

УДК 821.111

**РОЖДЕСТВО КАК ПРИМИРЕНИЕ БОГАТЫХ И БЕДНЫХ
В ПОВЕСТЯХ «РОЖДЕСТВЕНСКАЯ ПЕСНЬ В ПРОЗЕ» И «КОЛОКОЛА» Ч. ДИККЕНСА****Л.А. СКРИПКО***(Полоцкий государственный университет)*

Исследуются повести «Рождественская песнь в прозе» и «Колокола» Чарльза Диккенса, где писатель предлагает свой вариант разрешения кризиса английского общества XIX века, который проявился в остром противостоянии двух социальных классов: капиталистов («богатых») и рабочих («бедных»). Писатель реализует свои предложения обществу через сказочную форму повествования. С помощью введения сказочных и художественных элементов Диккенс показывает нравственное перерождение героев, победу добра над злом, воплощает идею достижения классового мира путем исправления «богатых» и воспитания стойкости и терпения у «бедных».

Введение. Разделение общества на разные социальные группы существовало на протяжении всей истории человечества. Как и в любом сложном механизме, в обществе всегда возникали противоречия между представителями противоположных слоёв, нередко приводящие к серьёзным последствиям: кризисам, революциям, войнам. Говоря об Англии XIX века, следует отметить, что общество находилось в состоянии кризиса, остро стояли вопросы социального неравенства. Попытка изменить ситуацию, предпринятая английским правительством с помощью «Закона о бедных» (1834), только ужесточила положение беднейшей части населения страны. Принцип нового закона был очень прост: каждый нуждающийся в помощи должен был получать её в работном доме. Комиссия, созданная в 1834 году для реорганизации закона о бедных, выразила всю сущность новых установок в зловещих словах, что «каждый работоспособный человек, проживающий в работном доме, должен подвергаться такому режиму в отношении труда и дисциплины, который оттолкнет даже бездельников и порочных людей» [1]. В тот период, когда миллионы людей почти умирали с голоду, «оттолкнуть» от работных домов можно было только путем всевозможных унижений и жестокости. Семьи разлучались, пища была плохая, но и её было мало, работа, которую заставляли выполнять, была унижительна и бессмысленна.

Данная ситуация нашла своё отражение в литературном творчестве английского писателя Чарльза Диккенса. Возмущение писателя жестокостью и бесчеловечностью «закона о бедных» и такими его порождениями, как работные дома, первоначально вызвали у Диккенса желание прямо и непосредственно, в публицистической форме выступить в защиту наиболее притеснённой части трудового населения Англии – детей бедняков. «Я так потрясён, – писал Диккенс учёному экономисту Саутвуду Смитю, – что подумываю ... написать и как можно дешевле издать брошюру под названием «Обращение к английскому народу в защиту детей бедняков» – за собственной подписью, разумеется» [2, с. 8]. Однако, не являясь сторонником открытых революционных действий и уповая на нравственный принцип как фактор развития общества, автор отказывается от своего намерения и обращается к народу в наиболее привычной ему форме, в форме художественного повествования. «Удар, который я готовлюсь нанести, – сообщает он Смитю, – будет ударом парового молота, и в двадцать, нет, в двадцать тысяч раз сильнее, чем если бы я следовал своему первоначальному замыслу» [2, с. 8].

Основная часть. Сборник «Рождественских повестей» был задуман как социальная проповедь в занимательной художественной форме, в которой проявился глубокий демократизм писателя. Задуманный цикл Ч. Диккенс рассматривал как свою миссию, поэтому «Рождественские повести», как полагает В. Ивашева, «это не цепь разрозненных новелл, а пропаганда определенной социальной философии, равно обращенной к “бедным” и “богатым”, во имя улучшения участи бедняков и исправления богачей» [3, с. 176].

Диккенс не случайно обращается к теме рождества. Писатель любил рождественские праздники и видел в них проявление не столько религиозных чувств народа, сколько его природной доброты, жизнерадостия, искреннего веселья, без которых жизнь бедняков была бы пустой и печальной. Рождество – время надежд на лучшее будущее. Рождественский вечер – это вечер, когда в мире социального неравенства и несправедливости возможны чудеса, неожиданные перемены и примирения. В этот вечер неумолимые законы буржуазного общества внезапно перестают действовать с полной силой, а взаимная неприязнь людей друг к другу уступает место любви и братским чувствам. Это вечер, когда жестокость современной жизни отступает перед человеческими добродетелями. Устами одного из своих персонажей Диккенс обращается не только к своим современникам, но и к сегодняшним читателям: «I have always thought of Christmas time ... as a good time; a kind, forgiving, charitable, pleasant time; the only time I know of, in the long calendar of the year, when men and women seem by one consent to open their shut-up hearts freely, and to think of people below them as if they really were fellow-passengers...» [4, с. 11]. («... праздник рождества

представляется мне днём радости, всепрощения, доброжелательности, удовольствия, – тем единственным днём в календаре целого года, когда, как я глубоко верю, все люди, мужчины и женщины, как бы по обоюдному согласию раскрывают свободно свои замкнутые сердца и видят в своих ближних, – даже в неимущих и обездоленных, – таких же людей, как они сами...» [5, с. 12]).

Все эти счастливые превращения не могут произойти на почве обыденной реальности, поэтому автор строит своё повествование в форме сказки, которая «позволила реализовывать те идейные задачи, которые невозможно было решить в пределах реалистического повествования» [2, с.179]. По справедливому наблюдению Г.К. Честертона, для Ч. Диккенса «атмосфера английского рождества нередко важнее сюжета» [6, с. 110]. Атмосфера рождества – это фольклорная мистика волшебства, призраков и духов, таинственность окружающего. Именно такой атмосферой наполнены две наиболее популярные повести, вошедшие в сборник: «Рождественская песнь в прозе» (1843) и «Колокола» (1844).

Главный герой «Рождественской песни в прозе» – расчётливый, жестокий и циничный владелец деловой конторы Скрудж: «Oh! But he was a tight-fisted hand at the grind-stone, Scrooge! a squeezing, wrenching, grasping, scraping, clutching, covetous, old sinner! Hard and sharp as flint, from which no steel had ever struck out generous fire; secret, and self-contained, and solitary as an oyster» [4] («Ну и сквалыга же он был, этот Скрудж! Вот уж кто умел выжимать соки, вытягивать жилы, вколачивать в гроб, загребать, захватывать, заграбастывать, вымогать... Умел, умел старый греховодник! Это был не человек, а кремь. Да, он был холоден и тверд, как кремь, и еще никому ни разу в жизни не удалось высечь из его каменного сердца хоть искру сострадания. Скрытный, замкнутый, одинокий – он прятался как устрица в свою раковину» [5]).

Скруджу предстоит пережить глубокое нравственное потрясение. В страшном рождественском сне ему являются три духа – Прошлого, Настоящего и Будущего, которые показывают картины из его жизни: детство без родительской любви и опеки: «“The school is not quite deserted”, said the Ghost. “A solitary child, neglected by his friends, is left there still”. At one of these a lonely boy was reading near a feeble fire; and Scrooge sat down upon a form, and wept to see his poor forgotten self as he used to be» [4, с. 37] («– А школа еще не совсем опустела, – сказал Дух. – Какой-то бедный мальчик, позабытый всеми, остался там один-одинешенек». За одной из парт главный герой увидел «одинокую фигурку мальчика, читавшего книгу при скудном огоньке камина, и Скрудж тоже присел за парту и заплакал, узнав в этом бедном, всеми забытом ребенке самого себя, каким он был когда-то» [5, с. 38]); он вырос без семьи и домашнего очага в угоду денег и жадности: «Our contract is an old one. ... All your other hopes have merged, ... your nobler aspirations fall off one by one, until the master-passion, Gain, engrosses you» [4, с. 49] («– Наша помолвка – дело прошлое. ... Всем своим прежним надеждам и мечтам ты изменил, ... все твои благородные стремления гибли одно за другим, и новая всепоглощающая страсть, страсть к наживе, мало-помалу завладела тобой целиком!» [5, с. 50]); старость без человеческого участия и заботы, одинокая смерть: «why wasn't he natural in his lifetime? If he had been, he'd have had somebody to look after him when he was struck with Death, instead of lying gasping out his last there, alone by himself» [4, с. 95] («... – почему он не жил как все люди? Живи он по-людски, уж, верно, кто-нибудь приглядел бы за ним в его смертный час, и не подох бы он так – один-одинешенек» [5, с. 96]).

Эти устрашающие видения производят полный и окончательный переворот в душе Скруджа, он просыпается совершенно другим человеком – веселым, добрым, щедрым: «“I don't know what to do!” cried Scrooge, laughing and crying in the same breath ... “I am as light as a feather, I am as happy as an angel, I am as merry as a schoolboy. ... A merry Christmas to everybody! A happy New Year to all the world» [4, с. 109] («– Сам не знаю, что со мной творится! – вскричал он, плача и смеясь ... – Мне так легко, словно я пушинка, так радостно, словно я ангел, так весело, словно я школьник! ... Поздравляю с рождеством, с веселыми святками всех, всех! Желаю счастья в Новом году всем, всем на свете!» [5, с. 110]).

Несмотря на сказочный сюжет, образы героев «Рождественской песни» вполне реалистичны. Скрудж – типичный представитель буржуазии с её эксплуататорской идеологией. Он приветствует закон о бедных, мечтает об уменьшении «избыточного» населения, угнетает своего клерка, не участвует в благотворительности, не поддерживает отношений с бедными родственниками: «“Are there no prisons?” asked Scrooge. ... “And the Union workhouses? ... Are they still in operation? ... The Treadmill and the Poor Law are in full vigour, then? ... I help to support the establishments I have mentioned—they cost enough; and those who are badly off must go there. ... If they would rather die”, said Scrooge, “they had better do it, and decrease the surplus population”» [4, с. 14] («– Разве у нас нет острогов? – спросил Скрудж. ... – А рабочие дома? ... Они действуют по-прежнему? ... Значит, и принудительные работы существуют, и закон о бедных остается в силе? ... Я поддерживаю упомянутые учреждения, и это обходится мне недешево. Нуждающиеся могут обращаться туда. ... Если они предпочитают умирать, тем лучше, – сказал Скрудж. – Это сократит излишек населения» [5, с. 15–16]).

Скруджу противопоставлены его племянник и клерк Боб Крэтчит, наделенные положительными качествами, несмотря на свою бедность. Они добродушны, бескорыстны, открыты для общения и олицетворяют собой рождественское веселье и гостеприимство: «“A merry Christmas, uncle! God save you!”

cried a cheerful voice. ... "Come! Dine with us to-morrow. ... I want nothing from you; I ask nothing of you; why cannot we be friends? ... We have never had any quarrel, to which I have been a party. But I have made the trial in homage to Christmas, and I'll keep my Christmas humour to the last"» [4, с. 10–12]. («– С наступающим праздником, дядюшка! Желаю вам хорошенько повеселиться на святках! – раздался жизнерадостный возглас. ... – Наведайтесь к нам завтра и отобедайте у нас. ... Да я же ничего у вас не прошу, мне ничего от вас не надобно. Почему нам не быть друзьями? ... Я ведь никогда не ссорился с вами, и никак не пойму, за что вы на меня сердитесь. И все-таки я сделал эту попытку к сближению ради праздника. Ну что ж, я своему праздничному настроению не изменю» [5, с. 11–13]); «... the clerk, ... went down a slide on Cornhill, at the end of a lane of boys, twenty times, in honour of its being Christmas Eve, and then ran home to Camden Town as hard as he could pelt, to play at blindman's-buff» [4, с. 17] («клерк, скатившись раз двадцать, – дабы воздать дань сочельнику – по ледяному склону Корнхилла вместе с оравой мальчишек ..., припустился со всех ног домой в Кемден-Таун – играть со своими ребятами в жмурки» [5, с. 18]).

Скрудж, с одной стороны, его племянник и клерк, с другой стороны, – представители противоположных социальных групп: буржуазии и простого народа. Символично их примирение в Рождество: «"It's I. Your uncle Scrooge. I have come to dinner. Will you let me in, Fred?" ... He was at home in five minutes. Nothing could be heartier. ... Wonderful party, wonderful games, wonderful unanimity, wonderful happiness!» [4, с. 114] («– Это я, твой дядюшка Скрудж. Я пришел к тебе пообедать. Ты примешь меня, Фред? ... Через пять минут Скрудж уже чувствовал себя как дома. Такого сердечного приема он еще отродясь не встречал. ... Ах, какой это был чудесный вечер! И какие чудесные игры! И какое чудесное единодушие во всем! Какое счастье!») [5, с. 115–116]; «"A merry Christmas, Bob! ... I'll raise your salary, and endeavour to assist your struggling family, and we will discuss your affairs this very afternoon, over a Christmas bowl of smoking bishop ..."» [4, с. 116] («– Поздравляю вас с праздником, Боб, ... Я прибавлю вам жалования и постараюсь что-нибудь сделать и для вашего семейства. Сегодня вечером мы потолкуем об этом за бокалом рождественского глинтвейна...» [5, с. 117]).

В повести «Колокола» действие также происходит во время рождественских святок, накануне нового года. Как и в «Рождественской песни в прозе», здесь наблюдается противостояние двух социальных классов – бедняков и капиталистов. Первые представлены главным героем Тоби Вэком, его дочерью Мэг и её женихом Ричардом, последние предстают в образах олдермена Кьюта и мистера Файлера.

И вновь Диккенс с симпатией описывает простых тружеников, наделяя их приятной внешностью и всяческими добродетелями. Тоби – пожилой человек, честный и трудолюбивый: «A weak, small, spare old man, he was a very Hercules, this Toby, in his good intentions. He loved to earn his money. He delighted to believe – Toby was very poor, and couldn't well afford to part with a delight – that he was worth his salt» [7, с. 3] («Щуплый, слабосильный старик, по своим намерениям Тоби был настоящим Геркулесом. Он не любил получать деньги даром. Мысль, что он честно зарабатывает свой хлеб, доставляла ему огромное удовольствие, а отказываться от удовольствий при его бедности было ему не по средствам» [5, с. 126]); Мэг – молодая красивая девушка, честная, спокойная, бодрая: «Bright eyes they were. Eyes that would bear a world of looking in, before their depth was fathomed. Dark eyes, that reflected back the eyes which searched them; not flashingly, or at the owner's will, but with a clear, calm, honest, patient radiance, claiming kindred with that light which Heaven called into being. Eyes that were beautiful and true, and beaming with Hope. With Hope so young and fresh; with Hope so buoyant, vigorous, and bright, despite the twenty years of work and poverty on which they had looked...» [7, с. 5] («И какие же ясные это были глаза – просто чудо! Глаза, в которые сколько ни гляди, не измерить их глубины. Темные глаза, которые в ответ на любопытный взгляд не сверкали свое нравным огнем, но струили тихое, честное, спокойное, терпеливое сияние – сродни тому свету, которому повелел быть творец. Глаза прекрасные, и правдивые, и полные надежды – надежды столь молодой и невинной, столь бодрой, светлой и крепкой (хотя они двадцать лет видели перед собой только труд и бедность)...» [5, с. 131]); Ричард также внешне и внутренне привлекательный молодой человек: «a face as glowing as the iron on which his stout sledge-hammer daily rung. A handsome, well-made, powerful youngster he was; with eyes that sparkled like the red-hot droppings from a furnace fire; black hair that curled about his swarthy temples rarely; and a smile!..» [7, с. 7] («лицо у него все светилось, как то железо, по которому он каждый день бил своим тяжелым молотом. Красивый он был парень, ладный и крепкий, глаза сверкающие, как докрасна раскаленные брызги, что летят из горна; черные волосы, кольцами вьющиеся у смуглых висков; а улыбка!..» [5, с. 138]).

Представители буржуазии показаны негативно, что отражает позицию автора: «One was a low-spirited gentleman of middle age, of a meagre habit, and a disconsolate face; ... and was not particularly well brushed or washed. ... The other, a full-sized, sleek, well-conditioned gentleman, ... had a very red face, as if an undue proportion of the blood in his body were squeezed up into his head; which perhaps accounted for his having also the appearance of being rather cold about the heart» [7, с. 9] («Один был средних лет и хлипкого сложения, с безутешно-унылым лицом, весь какой-то нечищенный и немыйтый. ... Второй джентльмен был

крупный, гладкий, цветущий ... У этого джентльмена лицо было очень красное, как будто чрезмерная доля крови сосредоточилась у него в голове; и, возможно, по этой же причине, от того места, где у него находилось сердце, веяло холодом» [5, с. 140]).

Повесть делится на две части: реальную и фантастическую. В реальности главный герой (теперь уже представитель простого народа) Тоби Вэк пытается осознать «идеологию капиталистического развития, утилитаризма и уничтожения бедняков» [8, с. 194], которая активно распространялась в первой половине XIX века в Англии: «It seems as if we can't go right, or do right, or be righted ... I can't make out whether we have any business on the face of the earth, or not ... whether there is any good at all in us, or whether we are born bad ... supposing it should really be that we have no right to a New Year – supposing we really ARE intruding ...» [7, с. 5] («Выходит, будто мы всегда не правы, и оправдать нас нечем, и исправить нас невозможно... имеем мы право жить на земле или нет ... есть в нас хоть что-нибудь хорошее, или мы так и родимся дурными ... что, если мы и в самом деле не имеем права на новый год... что, если мы и в самом деле лишние...» [5, с. 130–131]). Ярким сторонником данной идеологии является олдермен Кьют (английские исследователи называют в качестве прототипа этого персонажа одного из реальных деятелей эпохи [2, с. 10]), который убеждает Тоби в том, что простые люди, подобные ему, «... have no right or business to be married, ... have no earthly right or business to be born. And THAT we know they haven't. We reduced it to a mathematical certainty long ago!» [7, с. 10] («не имеют права жениться, ... не имели права родиться на свет. А уж что такого права они не имели, нам доподлинно известно. Мы давно доказали это с математической точностью» [5, с. 145]). Будучи малообразованным, скромным, порядочным человеком, Тоби поддается наставлениям Кьюта: «bad at heart, born bad, ...had no business on the earth... It's too true, all I've heard to-day; too just, too full of proof. We're Bad!» [7, с. 21] («в корне дурные люди, люди, которые так и родились дурными, которым не должно быть места на земле. Все, что я слышал сегодня, – чистая правда; все это верно, и доказательств хоть отбавляй. Дурные мы люди!» [5, с. 171]).

Далее начинается фантастическая часть повести, где духи колоколов, к звону которых Тоби всегда прислушивался, призывают его на колокольню, чтобы показать, какую страшную ошибку он допустил, поверив словам Кьюта. Перед глазами героя предстают страшные картины будущего – его собственная смерть, страдания близких людей, которые, как и он, поверили олдермену и повели себя согласно его проповеди: «Ah! Changed. Changed. The light of the clear eye, how dimmed. The bloom, how faded from the cheek. Beautiful she was, as she had ever been, but Hope, Hope, Hope, oh where was the fresh Hope...» [7, с. 25] («Да, она изменилась. Как изменилась! Ясные глаза потускнели. Свежие щеки увяли. Красива по-прежнему, но надежда, где та молодая надежда...» [5, с. 183]); «A slouching, moody, drunken sloven, wasted by intemperance and vice, and with his matted hair and unshorn beard in wild disorder... A spectacle of such deep degradation, of such abject hopelessness, of such a miserable downfall» [7, с. 30] («Угрюмый, пьяный, неопрятный, истасканный, со свалывшимися волосами и нестриженной бородой ... Он являл собой картину такого глубокого падения, такой предельной безнадежности, такого жалкого позора» [5, с. 195]). Помимо пугающих видений, Тоби слышит наставления духов колоколов, в которых прослеживается мнение самого Диккенса и реализуется основная идея повести: «“The voice of Time”, said the Phantom, “cries to man, Advance! Time is for his advancement and improvement; for his greater worth, his greater happiness, his better life”» [7, с. 24] («Голос Времени, – сказал дух, – зовет к человеку: «Иди вперед!». Время хочет, чтобы он шел вперед и совершенствовался; хочет для него больше человеческого достоинства, больше счастья, лучшей жизни...» [5, с. 179]); «...try to bear in mind the stern realities ... and in your sphere ... endeavour to correct, improve, and soften them» [7, с. 40] («... не забывай о суровой действительности, ... и в своих пределах, ... старайся исправить ее, улучшить и смягчить» [5, с. 223]).

Как и Скруджа, Тоби Вэка ожидает радостное пробуждение: всё, что ему привиделось, оказывается только сном, однако этот сон приводит к внутренним переменам в душе и мыслях героя, он осознаёт свои ошибки и обретает душевное равновесие: «“I have!” said Trotty. “Oh forgive me!” ... “Not meaning it ... in my ignorance» [7, с. 24] («– Каюсь! – сказал Трухти. – Простите меня! ...– Невольный грех, ... по невежеству» [5, с. 180–181]); «“What a happiness it is, I'm sure”, said Trotty, “to be so esteemed! How kind and neighbourly you are! It's all along of my dear daughter. She deserves it!”» [7, с. 41] («– Какое же счастье, – сказал Тоби, – внушать людям такие чувства! Какие вы добрые друзья и соседи! А все она, моя милая дочка. Она это заслужила» [5, с. 221]).

Подводя итог вышесказанному, следует отметить, что в рассмотренных повестях можно проследить противопоставление между общественными классами: капиталистов-эксплуататоров и простых рабочих, которое разрешается торжеством основного сказочного принципа – победы добра над злом. Но у Ч. Диккенса победу герой одерживает не над внешними злыми силами, а внутри себя, борясь со злом в своей душе. В этом авторское своеобразие рождественской повести Ч. Диккенса.

В «Рождественской песни в прозе» происходит нравственная трансформация представителя буржуазии, скряги-Скруджа, который из эгоиста превращается в альтруиста. Диккенс наносит обещанный

«удар» буржуазной жестокости и лицемерию – удар, рассчитанный очень точно, разящий метко и беспощадно [9]. Он обрушивается на ту философию пользы, философию утилитаризма, которую проповедовали английские экономисты и социологи, начиная с Адама Смита и заканчивая Т. Мальтусом.

В «Колоколах» нравственное перерождение претерпевает простой труженик, унылый и угнетённый рассылный Тоби Вэк, который после чудесных рождественских превращений, становится бодрым, стойким и жизнерадостным. Герой переосмысливает свою жизнь, осознаёт своё достоинство и право на жизнь и личное счастье. Диккенс выступает как проповедник таких христианских добродетелей, как долготерпение и смирение. Эти черты он акцентирует в основном у представителей бедных слоев, помогая им сохранить своё собственное достоинство. Сказки, по его мнению, «нежны и гуманны и так полезны в те минуты, когда действительность слишком настойчиво навязывается нам» [3, с. 356].

«Рождественская песнь» обращает противника рождества; «Колокола» его уничтожают», – замечает по этому поводу Г.К. Честертон [10].

Вывод. В своих повестях Ч. Диккенс выступает как носитель «рождественской миссии», как писатель-христианин, воплощающий идею достижения классового мира путем исправления «богатых» и воспитания стойкости и терпения у «бедных».

ЛИТЕРАТУРА

1. Мортон, А.Л. История Англии / А.Л. Мортон; пер. с англ. Н. Чернявской – М.: Изд-во иностр. лит., 1950. – 465 с.
2. Диккенс, Ч. Рождественские повести / Ч. Диккенс; пер. с англ. / вступ. ст. М. Воропановой. – М.: Правда, 1988. – 509 с.
3. Ивашева, В.В. Творчество Диккенса / В.В. Ивашева. – М.: МГУ, 1954.
4. Dickens, Ch. A Christmas Carol / Ch. Dickens. – New York: Dover Publications, 2010. – 92 p.
5. Диккенс, Ч. Рождественские повести / Ч. Диккенс; пер. с англ. Т. Озерской, М. Лорие. – СПб.: Издат. группа «Азбука-классика», 2010. – 240 с.
6. Честертон, Г.К. Чарльз Диккенс / Г.К. Честертон. – М.: Радуга, 1982.
7. Dickens Ch. The Chimes / Ch. Dickens // Free Public Domain E-Books from the Classic Literature Library [Electronic resource]. – Mode of access: <http://www.charles-dickens.org/the-chimes/>. – Date of access: 08.04.2014.
8. Сильман, Т.И. Диккенс. Очерки творчества / Т.И. Сильман. – М.: Худож. лит., 1970. – 376 с.
9. Михальская, Н.П. Чарльз Диккенс / Н.П. Михальская. – М.: Учпедгиз, 1959. – 124 с.
10. Честертон, Г.К. Чарльз Диккенс. Сквозь призму времени. Биографии / Г.К. Честертон. – М.: Радуга, 2002. – 349 с.

Поступила 05.09.2014

CHRISTMAS AS THE WAY OF CONCILIATION OF THE RICH AND THE POOR IN CHRISTMAS STORIES “A CHRISTMAS CAROL” AND “THE CHIMES” BY CHARLES DICKENS

L. SKRYPKO

The article deals with the problem of the English society crisis of the XIX century, which manifested in acute confrontation between the two social classes: capitalists (the “rich”) and workers (the “poor”). Understanding of the problem is presented on the basis of analysis of stories “A Christmas Carol” and “The Chimes” by Charles Dickens. The author analyzes the ways out of this situation, which are implemented in these literary works through the form of a fairy-tale. Such artistic techniques as magic, the character’s moral transformation, the triumph of Good over Evil, implement the idea of achieving peace between classes by reformation of the “rich” and cultivating persistence and patience in the “poor”.